

Лапин Борис Матвеевич

1922-я книга стихов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Матвеевич Л.**
1922-я книга стихов / Лапин Борис Матвеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 58 с.

ISBN 978-5-519-92457-3

ISBN 978-5-519-92457-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я предвижу обвинения со стороны местных эстетов из брик-а-брака в эпигонстве, нефутуристичности (как известно, футуризм заключается в экскурсировании на Танцбашни «просвещенного урбанизма» и еще комфут и конструкция) и прочем, если только эти господа соблаговолят побросать свои кисти, цинк и ножницы **В ЧЕСТЬ** моей скромной Музы. Недаром говорят сменовеховцы от искусства: «мы будем изучать примеры **ИНДУСТРИИ**, новые изобретения, разговорный и газетный язык, **СПОРТИВНЫЕ** жесты и проч.», еще: «мы недовольствуемся суррогатом коллектива». Все это, б-м, очень показательно, ибо идеологические факторы мертвы и мысли обращенного в футуризм **МЕРЗАВЦА** столь же интересны (доказательство способности к теоретизированию), как и мыслящая лошадь «дэзи» или Дуровские белые мыши. «Кант зарыт» больше ничего не остается, дада!

Жизнь в поэзии, завещанная нам Отцами Мира через Жуковского и Новалиса выродилась в фокусничество и актерство. Трудноплюйство достигло высокой степени экспрессии.

Милый читатель! Помни, что книга, наконец, приведет к сознанию идеального мира.

Zweifle an der Sonne Klarheit,
Zweifle an der Sterne Licht,
Leser, nur an meiner Wahrheit
Und an deiner Dummheit nicht.
Schelling.

Что касается конструкторов, то они восстановят свой пакостный порядок несмотря на верного и сан-франциска;

ГОТОВЬТЕСЬ К ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ.

Московский Парнас.

15—10—1922.

ПОСВЯЩЕНИЕ К КНИГЕ.

Шум и гам идей облыжных
в виттенбергских молодцах!
—Слышите ли?—«Слава в вышних»
запевают во дворцах.
И сменяя дерзновенье
в свет душевной глубины
к нам доносится хрипенье
и любовь сердца полны.
Тысячи контаминаций
в мира улыбнясь орган
открывают мор новаций
крикнуть бурь Кориолан.
А оборвышей пасторы
приютят со «вниди в сон».
Все закончит разговоры
кирие элейсон.

М. П. 22.

Сплетаясь в огоньках светлых,
летят осколки лунь ~~в~~
в глаза детей открыто,
в их ручки, в пальцы сосны.
Ты, пахучая пыль мироздания
синь цербинно Рашель,
осыпающая так душно и зрело
сна полотняную колыбель,
где горит и глаз мой тонет,
выползая к свету, как гном,
и, ломая крошечные длани,
глотает гордый воздух ртом.
Но я рукой дотрагиваюсь до заката,
я вижу, что не видишь ты.
Слушай! там другое сердце, сердце мира
бьется, там дрожат цветы.
Слушай! пульс незаметный,
красный пыль высоты,
гном песочный и бледный.
Но их не видишь ты,

МИР СТИХА.

Как дебрь Чикаго
стиха кровь,
живет и растет странно
на благо
будущих веков.

П р и п е в.

Босс пригладил жирный ус
в сердца серенький картуз.

Мир летит навеки
в жирный неба суп,
проедая веки
дымогарных труб.

П р и п е в.

Босс убит и я убит,
черный дым животворит.

И очень умирает
из приятелей моих,
вдыхая отравленный,
отравитель стих.

КИПЛИНГ.

Дрожит воздух, испаряется.
Весь мир — банка с водой.
Месяц в ней поворачивается,
как, несмотря на полдень, зной.
Козырек и шляпа хаки, он тощий
окивает оком океан,
в ней горит, покачивается полукругом, боком,
пламя палаток и платан.
Сквозь ползучий туман и пальцы омелы
вижу тень пушки и Рэс-сэддар-галу.
Том Аткинс! ешь руками картофельные очистки
и раскапывай тухлую золу.
Рэс-сэддар хребет освежен низко и лилово,
месяц блестит на конце штыка,
а звезда полка блестит издалика
и чуть гола ночей рука.

П О Э З И Я.

В. Ковалевскому.

Ночной туман сползает
на бледные поля,
как в сне, опустевает
холодная земля.

Сквозь круг звезды прозрачной
опальный виден мир
и там царит невзрачный
поэзии кумир.

Неслыханным недугом
курятся облака,
над острым, бледным кругом
взнеслась луны рука,
с земли седой и низкой
снимая поцелуй.

Уидина шепчет близкой
реке, а старый Струй
из роковой долины
к морям стиха бежит,
его мольба равнины
назад не возвратит.

О мать ночного мира,
(о лиры мира сплин!)
О стекла Альтаира!
Сон. О опальный крин!

18—1—1922.

ГОРНЫЙ КРАЙ.

И над тобой, краса природы...

Марлинский.

«Все та-же убегуность
открыта круговзору,
все тучки улетают
и тонут в синий пруд,
где теремок Закаты.

«А там—дымок расилаты
с чуть белых гор слетает,
а дол опущен взору,
а взор готовит участь
судьбы на Страшный Суд.

«Снеггор все вьется, вьется,
светло, светло смеется
монашенке своей.

«А та, ему навстречу,
приносит хлеб и речу
закованно людей.

«Монашенка—Заката,
вспомнянь, о свет очес!
Пусть жизнь—тебя утрата,
ей честь твоя—небес».

Так, смеясь говорливо,
обращался к высотам,
некий взор, журча игриво,
пробегая по скалам.

М. П. 22.

У М Р Е М.

Нет, не нам почить для вожденной,
Сонной, важной смерти, в час златой,
С черствою улыбкой мысли пленной,
Мысли тощей на губах и злой,
Но смеясь, тщеславно и без прока,
Искренностью ложной не греша,
И тогда, в одно мгновенье ока,
Пыльно испарится в нас душа!
Вот они, с улыбкой, на престоле
Буковых лесов, простых равнин,
Вот он и Любовь бесщадный, Молли,
Клейста Генриэтта, фрейлейн Kühn.
Под насмешкой несравненной скуки
Тени спорят о кресте, Христе,
Вот они протягивают руки
К дорогому богу, к высоте.